

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10)
EDN [LKKNQB](https://edn.lkknqb.ru)
УДК 316.7

Е. А. Кублицкая¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ И НЕРЕЛИГИОЗНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Миграционные процессы в условиях расширения мирохозяйственных связей неизбежно затрагивают основные сферы жизнедеятельности всего мирового сообщества. Эмиграция наиболее активной части коренного населения России, преимущественно образованного и высокопрофессионального, является острой проблемой, так как неизбежно ведёт к рискам национальной и геополитической безопасности государства.

Возрастающий неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток мобильного коренного населения в условиях новой российской социальной реальности, актуализирует исследование мотивов эмигрантских настроений, социально-экономических, социально-политических ориентаций, социокультурных позиций, этноконфессиональных традиций и обычаев, духовно-нравственных ценностей молодёжи и, в первую очередь, высокообразованной части молодого поколения: студенчества.

В статье анализируются материалы социологического исследования, проведённого Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2022 году среди студенческой молодёжи в трех субъектах РФ: Москве, Республике Тыва и Белгородской области. Фокус исследования направлен на выявление возможного воздействия религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации молодой части российского населения. Поставленная цель решалась при помощи социологических методов построения мировоззренческих групп («религиозные»/«нерелигиозные») и типологических групп («оседлые»/прожективные «эмигранты»). Социологический поиск строился на сравнительном анализе оценок и позиций представителей этих групп по отношению к религиозным, национальным, социально-экономическим и социально-политическим проблемам. Результаты социологического исследования показывают, что религиозные представления и напрямую связанные с ними традиции и духовно-нравственные ценности играют достаточно значимую роль в патриотической и гражданской позициях студенческой молодёжи в отношении российского общества и государства.

Ключевые слова: миграционные процессы; трудовая и образовательная эмиграция; социально-политические процессы; студенчество; эмигранты; религиозная и нерелигиозная молодёжь; ценности

Для цитирования: Кублицкая Е. А. Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). EDN [LKKNQB](https://edn.lkknqb.ru)

Введение. Миграционные процессы в условиях расширения мирохозяйственных связей неизбежно затрагивают основные сферы жизнедеятельности всего мирового сообщества: социально-демографические, социально-экономические, социально-политические, этноконфессиональные и духовно-нравственные. В условиях новой российской социальной реальности следует, в первую очередь, отметить возрастающий неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток мобильного коренного населения.

© Кублицкая Е. А., 2023.

Эмиграция наиболее активной части российских граждан, преимущественно образованных и высокопрофессиональных, является острой проблемой, так как неизбежно ведёт к сокращению трудоспособного населения страны. А потеря значительной части молодого поколения в активном репродуктивном возрасте продолжит усугублять демографический кризис в Российской Федерации. Среди социологов и демографов распространена точка зрения, что «эмиграция молодёжи на постоянное место жительства – явление негативное, подрывающее демографическую и социально-экономическую безопасность страны» [1, с. 59–72]. Достаточно сложно, но необходимо в современной ситуации выстроить миграционную и национальную политику российского государства, которая сможет избежать риска новых национальных и геополитических конфликтов. Для этого требуется объективная оценка причин и тенденций постоянных изменений миграционного поля, его значимых характеристик, разработка рекомендаций, от которых зависит адекватность принимаемых управленческих решений.

За последние тридцать лет опубликовано значительное число научных материалов, посвящённых миграционным процессам и в России, и за рубежом. Проблемы активизации эмиграционных процессов в нашей стране получили освещение в ряде работ известных российских демографов и социологов. Тематика публикаций, посвящённых эмиграции достаточно разнообразна:

- новые формы временной эмиграции из России, определение понятия «временная миграция», статистические оценки численности потоков временной трудовой эмиграции [2, с. 81–93];
- тенденции эмиграции из России в страны дальнего зарубежья в конце XX–начале XXI в., а также закономерности, факторы и масштаб потоков эмиграции на протяжении 30 лет [3, с. 44–53];
- эволюция процессов эмиграции из России на рубеже XX–XXI вв., выделение пяти эмиграционных волн, отличающихся основными категориями выезжающих, а также миграционными каналами выезда [4, с. 100–111];
- радикальное изменение структуры миграционных процессов в России, трансформация значительной части внутренних миграций в международные. Массовый характер реэмиграции русских и иммиграция лиц других национальностей в Россию из стран нового зарубежья, рост международных эмиграций из России в государства старого зарубежья [5, с. 40–50];
- новые закономерности, определяющие эмиграцию из страны, отдельные аспекты правового регулирования миграционных процессов, обоснование необходимости государственного управления процессами эмиграции [6, с. 499–509];
- анализ эмиграционных потоков из России в США и Канаду, ставших с конца XIX в. стабильно высокими и обязанными своим существованием иммиграции, как в части экономического, так и геополитического положения в современном мире [7, с. 83–96];
- эмиграция из России как фактор формирования и расширения русскоязычных сообществ в различных странах мира: США, Таиланд, Австралия, страны Европы; новый социальный феномен – «русскоязычная» экономика, который в сочетании с другими факторами становится стимулом для миграции из России в принимающие страны [8, с. 122–136];
- масштабы, динамика и специфические особенности эмиграции россиян в постсоветский период; выделение нескольких волн эмиграции, которые значимо различаются по своим качественным и количественным характеристикам; изменение социально-демографического портрета эмигранта, включая его омоложение; расширение направлений и каналов эмиграции, особенно из приграничных регионов РФ [9, с. 1298–1311];

- многообразные формы, значительные масштабы эмиграции из России в связи с вывозом капитала и утратой интеллектуального и делового ресурса [1, с. 59–72];
- тенденции, масштабы эмиграции российской молодёжи, каналы её выезда за границу в 1990–2017 гг. (выезд на постоянное место жительства, трудовая, образовательная эмиграция), перспективы возвращения на родину, косвенные меры государственной политики по удержанию молодёжи в экономике России. [10, с. 75–84].

В нашем исследовании на основании вышеизложенных публикаций **эмиграция** определяется как процесс переезда граждан из родной страны в другие страны на постоянное место жительства. Мотивы эмиграции самые разнообразные: экономические, социокультурные, политические, этноконфессиональные, семейные и пр.

Современная волна эмиграции российской молодёжи характеризуется новыми вызовами и кризисами. Её значительный рост обусловлен не только экономическими факторами (трудоустройством и образовательной эмиграцией), но и реакцией на изменение социально-политической ситуации в стране. События, связанные со специальной военной операцией (СВО), стали «выталкивающими» факторами миграции, которая достигла кризисного уровня девяностых годов XX столетия [11, с. 58–64]. Эмиграция приобрела более спонтанный, «аварийный», характер, без предварительных договорённостей о работе или учёбе в новых странах.

В социологическом ракурсе в условиях новой социальной реальности необходимо изучать не только многообразные формы международной миграции (трудоустройство, образовательная, религиозная, семейная, туристическая и т.п.), но и детально выявлять глубокие мотивы эмигрантских настроений, которые напрямую зависят как от социально-экономических и социально-политических ориентаций, так и от социокультурных установок, этноконфессиональных традиций, духовно-нравственных ценностей возможных эмигрантов. И, в первую очередь, это касается высокообразованной части молодого поколения: студенчества. В научной литературе пока недостаточно социологических исследований, в которых анализируется повседневный быт и социокультурная составляющая «прожективных» эмигрантов в молодёжной среде.

Цель социологического исследования студенчества — осветить социально-политические, социокультурные ориентации и *религиозные/нерелигиозные позиции* респондентов, планирующих эмиграцию.

В связи с этим следует уточнить, что мониторинговые социологические исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН проводились в основном в тех субъектах Российской Федерации, где исторически развивалась эпоха православного христианства. В настоящее время православные социальные институты продолжают играть значимую роль в духовно-нравственной, образовательной и просветительской сферах жизнедеятельности российского общества. Следует отметить, что зачастую форма сотрудничества касается пропагандистских и политических функций, которые берут на себя религиозные организации. К сожалению, это ведёт к клерикализации общественных отношений, что противоречит принципу отделения Церкви от государства, разграничения их властных полномочий и сфер компетенций по ст. 14 Конституции. Социологические опросы с 2000-х гг. фиксируют снижение доверия значительной части российских граждан к религиозным институтам. Уровень традиционной религиозности населения снижается и говорить о религиозном «буме» в России уже

не актуально. Религиозная социализация молодого поколения идёт в нескольких направлениях.

С одной стороны, в российском секулярном обществе религиозные ценности и традиции не прекращают быть нравственными ориентирами не только для значительной части населения среднего и пожилого возрастов, но и для молодёжи. С другой стороны, идёт закономерный процесс поиска новых ориентиров жизнеутверждающих целей в молодёжной среде, особенно среди студенчества. Эта мобильная социальная группа пытается понять перипетии этноконфессионального взаимодействия, взаимоотношений традиционных религий и общества, государства и религиозных социальных институтов и на этой основе сформировать свои мировоззренческие позиции.

Методология, методы и эмпирическая база. Эмпирической базой данной статьи являются результаты социологического исследования, проведённого Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2022 году в Москве, Республике Тыва² и Белгородской области. Они значительно различаются по социальным показателям: экономическим, социокультурным, этноконфессиональным. Социологический объект исследования — социальная группа студенческой молодёжи. Исследование проводилось с помощью онлайн-программы «Анкетолог» по репрезентативной квотной выборке со связанными территориальными и половозрастными параметрами. Статистическая обработка эмпирических результатов проведена в программе SPSS Statistics. Объем выборочной совокупности в Москве: N=310 ед.; в Тыве: N=551 ед.; в Белгородской области: 2001 ед. Система показателей и связанных с ними эмпирических индикаторов религиозных, национальных, миграционных и социально-политических представлений, взглядов и оценочных позиций в инструментари была неизменной, что давало возможность в сравнительном анализе фиксировать полученные социальные ориентации студенческой молодёжи субъектов РФ с учётом этноконфессиональной специфики.

Одной из гипотез программы исследования предусматривалась проверка возможного воздействия религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации студенческой молодёжи. Для решения поставленной задачи был проведён сравнительный анализ социально-политических и ценностных ориентаций среди различных групп студенческой молодёжи. Социологический поиск вёлся на базе методологических и методических принципов, с помощью которых были выделены две различные по основаниям типологии. Первая типология построена по определённым индикаторам и показателям в отношении к религии и атеизма (мировоззренческие группы: «религиозные»/«нерелигиозные»). Вторая типология — по индикаторам и показателям, характеризующим различное отношение к прожективной эмиграции (типологические группы: «оседлые»/«региональные мигранты»/«эмигранты»).

Таким образом, исходя из поставленной цели, были определены следующие направления анализа:

- формирование типологических и мировоззренческих групп студентов по основаниям религиозность/нерелигиозность, наличие установок на эмиграцию/отсутствие установок на эмиграцию;
- определение тематических социальных ориентаций и ценностных установок типологических групп («оседлые»/«эмигранты») и мировоззренческих групп («религиозные»/«нерелигиозные»).

² Специфика социально-демографической структуры Республики Тыва заключается в том, что численность молодёжи в возрасте 14-35 лет составляет 31% от всего населения.

Исследовательские рамки отражают методологические и методические принципы анализа религиозных и секуляризационных процессов российскими учёными XX–XXI вв. [12–28]:

- «основной показатель дихотомии на религиозное и нерелигиозное население – наличие или отсутствие веры в существование Бога и другие сверхъестественные силы;
- при измерении *степени* религиозности с необходимостью сочетались индикаторы и показатели, определяющие как религиозное сознание, так и культовое поведение» [28];
- при измерении *уровня* религиозности или атеистичности использовались только показатели и связанные с ними индикаторы религиозного и атеистического сознания: религиозной и нерелигиозной самоидентификаций, веры и неверия в Бога, конфессиональной самоидентификации³.

В данной статье для достижения поставленной цели была построена **первая типология**, в которой измерялись *уровни религиозности и атеистичности*. Использовались мировоззренческие группы по отношению к религии и атеизму: верующие; колеблющиеся между верой и неверием; неверующие; атеисты. Эти группы в процессе дальнейшего социологического поиска были объединены в оппозиционной паре терминов «религиозный»–«нерелигиозный» (первая типология). Таким образом, получаемые на этой основе сущностные черты религиозных представлений студенческой молодёжи представляют собой основу для выводов о происходящих процессах воздействия религиозности на направленность национальных, социально-экономических, социально-политических, позиций и миграционных ориентаций.

Построение второй типологии, характеризующей различное отношение к возможной эмиграции, осуществлялось социологическими исследователями впервые и носит пилотажный характер. Для формирования трех групп: «оседлые»/«региональные мигранты»/«эмигранты» использовались типобразующие показатели: местожителство; коренной-некоренной житель региона; учёба по месту рождения или нет; планирование переезда на другое местожителство после окончания учёбы или отсутствие таких планов; места переезда после учёбы (регионы РФ или другие страны); мотивы переезда после окончания учёбы.

Так же, как и в первой типологии для выявления более выраженных позиций и оценок респондентов во второй типологии использовались крайние оппозиционные группы: «оседлые» и прожективные «эмигранты».

Приведём краткий обзор значимых для исследования социокультурных условий и характеристик миграционной обстановки в изучаемых регионах РФ. Москва – исторический культурно-образовательный и научный центр России. Столица остаётся хранительницей русских и православных традиций и одновременно интернациональным и поликонфессиональным мегаполисом. Выбор Москвы в качестве региона исследования обусловлен и тем, что именно столицы государств зачастую выступают эпицентром возникновения активности и трансформации социальных процессов в различных сферах: экономических, миграционных, политических, этноконфессиональных, культурных, духовно-нравственных. Развитая инфраструктура столичного мегаполиса и её возможности неизменно привлекают население регионов РФ и стран СНГ. Миграционный фон Москвы разнообразен и интенсивно развивается в противоположных направлениях среди мобильных граждан: миграция /возвратная миграция /эмиграция.

³ Принадлежность к определённой конфессии определялась с помощью индикатора по номинальной шкале, которая отражала конфессию, доминирующую в изучаемых регионах.

Белгородская область является традиционно русским регионом России. Важные особенности этой территории в настоящее время – географическое положение области, которая с запада и с юга имеет границы с Украиной, что способствует более активным миграционно-эмиграционным процессам в условиях современной политической ситуации. Региональная религиозная политика области в последнее десятилетие построена с опорой на православие. Религиозная направленность белгородцев тяготеет к моноконфессиональности. Доминирующая конфессия в регионе – традиционное православное христианство.

В Республике Тыва – основная конфессия буддизм. В Туве распространена особая форма буддизма – ламаизм, которая представляет собой совокупность догм ламаизма с видоизмененными шаманскими обрядами.

Социологи и демографы отмечают, что «... интенсивность миграции молодежи ... выше по сравнению с другими возрастными группами: на молодежь приходится 46% всех типов миграционных перемещений населения республики. Миграционный оборот молодого населения республики включает *потоки международной миграции, на которую приходится 39% учтённого оборота в 2020 г.*» [29, с. 70–83]. Внутророссийская миграция молодежи складывается из межрегиональной (23% миграционного оборота) и внутриреспубликанской миграции (38% миграционного оборота) [28]. Статистические данные указывают преимущественно на возвратный характер межрегиональной образовательной миграции.

Научные результаты. Процессы секуляризации молодежи в Москве и Белгородской области развиваются в следующей логике: уровень религиозности в молодежной среде снизился на 14%-15% [30, с. 29]. Так, «в 2020-2021 гг. в Москве религиозная молодежь составила 30%, нерелигиозная молодежь – 35%, а группа колеблющихся – 25%; в Белгородской области соотношение религиозных и нерелигиозных молодых людей – 50% и 22% соответственно, группа колеблющихся – 21%» [30, с. 29]. Вполне естественно, что студенческая молодежь более секуляризирована, что подтверждают эмпирические данные социологического исследования 2022 года, проведенного в указанных трех субъектах РФ. Уровень религиозности студенчества в Москве – 27%, в Туве – 48%, в Белгородской области – 41% (см. рис. 1).

Рисунок 1. Соотношение уровней религиозности и секуляризации среди студенческой молодежи Москвы, Тувы, Белгородской области, в % от числа опрошенных в мировоззренческих группах, 2022 г.

Источник: Здесь и далее графические материалы подготовлены Отделом этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Определяя уровень религиозности в миграционных группах, отметим значительно более высокую религиозность «оседлых» по сравнению с «эмигрантами» в регионах. Примерная разница в противоположных мировоззренческих группах составляет 20%-30% в пользу «неверующих» и «атеистов». Так, более 60% нерелигиозных студентов в группе прожективных «эмигрантов» в Москве и около половины из этой группы — в Белгородской области (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровни религиозности и секуляризации в студенческих группах «оседлые» / «эмигранты» в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в типологических группах), 2022 г.

Мировоззренческие группы		Студенческая молодёжь					
		Москва		Тува		Белгородская область	
		«Оседлые»	«Эмигранты»	«Оседлые»	«Эмигранты»	«Оседлые»	«Эмигранты»
Религиозная молодёжь	Верующие	28	16	59	41	54	17
«Неопределившиеся»	Коллеблющиеся между верой и неверием	29	11	24	38	21	25
Нерелигиозная молодёжь	Неверующие	11	32	2	6	7	12
	Атеисты	25	29	5	10	12	34
	Неверующие + атеисты	36	61	7	16	19	46

Эмпирические результаты по конфессиональной самоидентификации также выявляют логическую закономерность в этих типологических группах. Среди московских студентов, считающих себя православными, 64% «оседлых» и 42% «эмигрантов»; среди белгородских студентов, идентифицирующих себя с православными, 85% «оседлых» и 56% «эмигрантов»; среди тувинских студентов, относящих себя к буддистам, 78% «оседлых» и 69% «эмигрантов». То есть, по конфессиональному признаку в группах православных и буддистов значительно больше «оседлых», чем «эмигрантов».

Результаты исследований подтверждают, что религиозная и конфессиональная самоидентификации ни в одном из регионов не совпадают. Конфессиональная идентичность на порядки превышает религиозную идентичность. Конфессиональная составляющая достаточно давно представляется в общественном сознании не столько религиозной, сколько социокультурной и национальной доминантой.

Таким образом, эмпирические данные исследований 2020-2022 гг. свидетельствуют:

- «— продолжает увеличиваться доля нерелигиозной московской молодёжи: в 1,5 раза нерелигиозного студенчества больше религиозного;
- студенческая молодёжь мегаполиса более секуляризирована в сравнении со студентами Белгородской области и, тем более — со студенческой молодёжью Тувы» [30, с. 30];

- студенты всех регионов более секуляризированы по сравнению с молодежью в целом;
- типологическая группа «оседлые» в значительной степени более религиозна по сравнению с группой прожективных «эмигрантов» во всех изучаемых регионах.

Следующий этап социологического поиска: рассмотреть возможное воздействие религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации молодого поколения. Для решения поставленной задачи был проведён сравнительный анализ социально-экономических, социально-политических, религиозных и ценностных ориентаций типологических и мировоззренческих групп студенческой молодежи.

Были измерены следующие показатели, некоторые из них ранее описаны:

- «отношение к религиозной вере как ценности; отношение к религиям и религиозным организациям»;
- отношение к деятельности различных конфессий; оценка национальной политики государства»;
- участие в конфликте для защиты прав своей национальной группы; отношение к национальностям» [30, с. 30];
- социально-политические позиции (беспокойство о неопределённости жизненных перспектив, произволе и бюрократизме чиновников);
- «оценка самоидентификации с гражданами России; «угрозы» международной напряжённости и военной спецоперации на Украине» [30, с. 30];
- отношение к социально-политическим процессам в России; мотивы эмиграции; отношение к общенациональной идее»;
- предпочтения ценностей и идей «национального согласия».

В сводной таблице 2 представлены отдельные оценочные суждения и ориентации по вышеизложенным показателям, с которыми согласилось студенчество в Москве, Туве и Белгородской области (типологии I и II).

Таблица 2

Позиции мировоззренческих и типологических групп студенческой молодежи («религиозные»-«нерелигиозные» и «оседлые»-«эмигранты») по отношению к тезисам религиозно-национального, социально-политического и патриотического характера в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Тезисы и утверждения	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тува				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
№	Религиозные:											
1	Религиозная вера – очень важная ценность в жизнедеятельности общества											
2	РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти											
	26	1	14	5	–	–	–	–	32	8	27	12
	60	73	65	79	10	15	10	13	16	31	17	37

Тезисы и утверждения		Студенческая молодёжь											
		Москва				Тува				Белгородская область			
		Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
3	Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	43	37	45	40	15	15	9	13	13	16	14	18
4	Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	34	52	42	58	11	14	6	16	10	20	9	28
5	«Есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь»	17	28	22	29	4	7	6	9	5	17	7	20
6	«Меня беспокоит использование религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми разной веры»	32	25	26	37	9	15	7	19	5	15	6	22
Национальные:													
7	«Меня беспокоит проблема ухудшения отношений между людьми разных национальностей»	43	33	37	50	20	23	11	34	28	38	27	47
8	В нашем государстве идёт ущемление прав некоторых национальностей за счёт расширения прав других национальностей	42	58	49	58	25	25	16	22	27	32	27	35
9	«Мне приходилось сталкиваться с конфликтными, недружественными отношениями в трудовых коллективах между людьми разных национальностей»	28	28	26	37	15	12	13	16	12	16	9	22
Социально–экономические:													
10	Меня беспокоит неопределённость жизненных перспектив	49	61	52	71	22	32	21	28	32	53	30	59
11	«Меня беспокоит произвол и бюрократизм чиновников»	26	45	37	53	22	25	20	28	19	32	19	48
Социально–политические, патриотические:													
12	«Меня беспокоит проблема международной напряжённости»	45	63	49	82	16	23	15	25	31	43	32	55
13	«Меня беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины»	47	60	44	74	35	43	31	41	33	44	32	58
14	«Я планирую переехать в другую страну по политическим причинам»	35	45	0	61	3	5	0	13	5	14	0	42

Окончание таблицы 2

Тезисы и утверждения	Студенческая молодёжь												
	Москва				Тува				Белгородская область				
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	
15	«Я горжусь, что я гражданин России»	72	45	62	26	93	71	98	64	85	59	88	35
16	«Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	40	24	32	13	–	–	–	–	57	28	56	22
17	Удовольствия (жизнь полная развлечений, эмоций, приятного времяпровождения, насыщенность жизни) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	43	47	40	61	–	–	–	–	50	57	50	61
18	Свобода (независимость в поступках и действиях) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	60	70	68	84	–	–	–	–	57	68	60	73
19	Карьера (личный успех, общественное признание, уважение окружающих) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	42	44	38	61	–	–	–	–	56	52	53	60
20	Самостоятельность (независимость в суждениях, оценках) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	55	74	63	71	–	–	–	–	57	65	59	65
21	«Россия обречена на дальнейший распад»	15	26	17	41	8	6	10	13	3	11	4	24
22	«Со временем вокруг России начнётся процесс объединения народов»	44	21	44	13	53	39	58	54	55	30	62	20

1. В оценке деятельности Русской Православной Церкви и исламских организаций «нерелигиозные» студенты более критичны, чем «религиозные». Закономерно, что религиозная молодёжь в меньшей степени отмечает вмешательство РПЦ в функции государства. Тем не менее высокую степень клерикальной деятельности Церкви отмечают обе мировоззренческие группы студенчества Москвы: 73% «нерелигиозных» и 60% «религиозных» указали, что «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)». Более трети религиозных и половина нерелигиозных студентов считают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни», и до 40% в этих группах считают, что «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни».

Отметим, что положительная оценка клерикализации общественных отношений не находит поддержки у основной части студенчества Республики Тыва. Это объясняется, прежде всего, тем, что это регион традиционного распространения буддизма. Эмпирические данные по Белгородской области фиксируют определённый скептицизм нерелигиозного студенчества к действиям религиозных организаций. Возможно, это связано с ростом прозелитизма некоторых религиозных движений и политической ангажированности ряда духовных лиц. *Сравнительный анализ групп в обеих типологиях фиксирует значительное сходство оценок религиозных проблем пары «религиозные»/«оседлые» и «нерелигиозные»/«эмигранты» в конкретном регионе* (см. табл. 2, пп. 1–5). Приведём один пример. Отметим тезис, что «есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь» в Москве — 28% **«нерелигиозных»** и 29% **«эмигрантов»**; в Тыве — 7% и 9% соответственно; в Белгородской области — 17% и 20% соответственно. Следующая пара из двух типологий в Москве — 17% **«религиозных»** и 22% **«оседлых»**; в Тыве — 4% и 6% соответственно; в Белгородской области — 5% и 7% соответственно.

2. Актуальность изучения межличностного взаимодействия в межконфессиональной и межнациональной сферах не вызывает сомнений, особенно в столичном регионе. Москвичи в последние двадцать лет оценивают ухудшение всего спектра жизнедеятельности в городе (социально-бытовых условий, трудоустройства, сферы обслуживания, здравоохранения, транспорта и т.д.) из-за увеличения интенсивности и нелегальности миграции. Например, в Москве 36% религиозной студенческой молодёжи считает, что в Москве «налицо сильная межнациональная напряжённость, возможны конфликты». Если 58% нерелигиозной молодёжи столицы утверждают, что «в нашем государстве имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счёт расширения прав других национальностей», то и среди религиозной молодёжи таковых немало — 42%. Среди студенческой молодёжи Тувы и Белгородской области более спокойная межнациональная обстановка, поэтому вполне закономерно определяется невысокий уровень национальной интолерантности к «другим» национальностям и религиозному инакомыслию в целом.

Продолжает прослеживаться тенденция совпадения позиций и оценок межнациональных отношений в каждом регионе **пар «религиозных» и «оседлых»** и **пар «нерелигиозных» и прожективных «эмигрантов»**. Особенно это выражено в утверждениях пп. 8–9, табл. 2. При более детальном рассмотрении выделяется группа «эмигрантов», которая даже в паре с «нерелигиозными» студентами более критична в оценках и религиозных, и национальных российских проблем.

3. В социально-экономической сфере были выделены несколько показателей для уточнения мотивации возможного временного или постоянного переезда российских студентов за рубеж. По результатам сравнения мировоззренческих и типологических групп молодёжи по показателю «неопределённости жизненных перспектив» установлено, что самые высокие эмпирические данные по «беспокойству» о своём трудоустройстве в группах «нерелигиозных» и «эмигрантов» Москвы (61 и 71% соответственно) и Белгородской области (53 и 59% соответственно). Студенты Республики Тыва по всем экономическим показателям «беспокойства» в процентном отношении находятся в пределах 20%-30% (см. табл. 2, пп. 10–11). Произвол и бюрократизм чиновников волнует студентов всех трех субъектов РФ. Однако тенденция сохраняется: среди групп «нерелигиозных» и «эмигрантов» значительно больше недовольных деятельностью государственных служащих. Среди «эмигрантов» Москвы таковых 53%, в

Белгородской области — 48%, в Туве — 28% (см. табл. 2, п. 11). Следует обратить внимание на важный экономический показатель беспокойства тувинской молодёжи: 50% прожективных «эмигрантов» указывают на рост преступности в республике.

Рисунок 2. Отношение групп студентов («оседлые» и «эмигранты») к деятельности чиновников (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в типологических группах, 2022 г.

Проанализированные эмпирические данные исследования студенчества соотносятся с данными демографов и социологов ИДИ ФНИСЦ РАН о приоритетных мотивах эмиграции российской молодёжи (возможность трудоустройства и получение образования). «Заработная плата» в иерархии мотивов заняла 2 место, «карьера» — 3 место, «работа по специальности» и «профессиональное образование» — 4 место.

В инструментарии уточнялось понятие «карьера» как «личный успех, общественное признание, уважение окружающих». 61% «эмигрантов» в Москве и 60% в Белгородской области признали карьеру, как очень важную ценность в жизнедеятельности общества» (см. табл. 2, п. 19).

Отдельный мотив, который выделился как фактор эмиграции в 2022 году, политический. Значительное место в рейтинге он занимал у молодых москвичей, нерелигиозных и желающих уехать в другие страны (45 и 61% соответственно), а также в группе прожективных «эмигрантов» Белгородчины (42%). Именно в этих группах преобладает беспокойство в отношении международной напряжённости и военной спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины (см. табл. 2, пп. 12–14). Так, более 70% прожективных «эмигрантов» московского студенчества беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины и более 60% из них планируют переехать в другую страну по политическим причинам.

4. Оценка протекающих социально-политических процессов в российском обществе достаточна схожа в анализируемых мировоззренческих и типологических группах. Преобладает критическая оценка социально-политических реформ. Тем не менее, эта оценка в указанных типологиях имеет различную степень интенсивности: группы «религиозных» и «оседлых» студентов более оптимистично смотрят на социально-экономическое и социально-политическое положение в стране по сравнению с группами «нерелигиозных» и «эмигрантов» (см. сводную табл. 2, пп. 15, 21, 22): «Я горжусь, что я гражданин России»; «Россия обречена на дальнейший распад»; «Со временем вокруг России начнётся процесс объединения народов».

Рисунок 3. Оценка российской гражданственности группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодежи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

В оценке российской гражданственности выделяются студенты Тувы. Среди религиозных тувинских студентов гордятся своей российской гражданственностью 93%, а среди «оседлых» практически все — 98%. В Белгородской области таковых из этих групп — 85 и 88% соответственно, в Москве — 62 и 72% соответственно. Группы нерелигиозного студенчества этих регионов отстают по показателям «гордости» на 20%, а «эмигранты» — на 25% (см. рис. 3).

Рисунок 4. Позиции в отношении объединительной идеи территориальной целостности России группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодежи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Тенденции в названных группах в основном сохраняются и при оценке возможности объединения территорий вокруг России. Наиболее оптимистичны «религиозные» и «оседлые» тувинские студенты в сравнении с нерелигиозными студентами. Группы прожективных «эмигрантов» Москвы и Белгородчины пребывают в большом «пессимизме» по вопросу «возрождения» государства. Только 13% москвичей и 20% белгородцев из этих групп считают, что со временем вокруг России начнется процесс объединения народов (см. рис. 4).

Непосредственно с тезисом «возрождения» России связана идея востребованности общенациональной идеи. Больше половины молодых респондентов

согласны, что «нашему обществу необходима общенациональная идея, сплачивающая россиян, независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка».

Разница в положительных оценках респондентов, представляющих полярные группы, в обеих типологиях остаётся на уровне 20% в пользу групп «религиозных» и «оседлых» студентов. (см. табл. 3; рис. 5).

Следует особенно отметить типологическую группу «эмигрантов» Тувы, которая по некоторым позициям и оценкам вышеизложенных проблем дистанцируется от групп «эмигрантов» Московского мегаполиса и Белгородской области. Встаёт вопрос: «Почему?». Эмпирические данные показывают, что уровень религиозности тувинских «эмигрантов» и «оседлых» высокий и значительно выше, чем в группах «эмигрантов» других регионов. В группе «эмигрантов» из Тувы 41% религиозных студентов, среди «оседлых» – 59%. Вполне вероятно, что именно поэтому «эмигранты» Тувы более позитивны к социальной политике государства по сравнению с другими эмигрантскими группами.

Таблица 3

Оценка необходимости общенациональной идеи в мировоззренческих и типологических группах («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Позиции	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тува				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
1. Да, общенациональная идея необходима	68	46	65	37	70	55	69	44	61	44	62	41
2. Нет, не нужна	13	34	21	40	14	26	16	25	12	27	14	35
3. Затрудняюсь ответить	19	20	14	24	16	19	16	31	27	29	24	24

Рисунок 5. Оценка необходимости общенациональной идеи группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Далее. Респондентам были предложены на выбор тринадцать социально-политических, социально-нормативных и социально-правовых идей, ценностей, которые смогли бы объединить российское общество. Как ранее подчёркивалось, в первой группе «идей национального согласия» во всех трех регионах предпочтения студентов отданы «свободе и правам человека» и «безопасности» [30, с. 36]. Вторая группа номинированных ценностей: «социальная справедливость»; «общественный порядок», «демократия», «патриотизм» и «национальная гордость» имеет более низкий рейтинг. Третья группа с низким рейтингом: «социализм», «интернационализм», «общественное самоуправление» «духовность», «религиозные традиции» [30, с. 37].

Определены региональные предпочтения ценностей: треть молодых москвичей придают большое значение идеям демократии, общественного самоуправления, социализма и интернационализма; треть тувинцев — идеям демократии, духовности, религии и религиозным традициям; более трети белгородских студентов — идеям демократии, национальной гордости и духовности.

Социологический поиск предполагал более детально рассмотреть «феномен» патриотизма.

«Он изучался и осмысливался общественными науками с разных точек зрения:

- как явление общественного сознания;
- как одно из явлений духовного общества;
- как проявление специфических черт менталитета;
- как социальный фактор, консолидирующий общество и т.д.» [18].

Изучение патриотизма как фактора социальной консолидации и укрепления российской гражданственности — одна из поставленных в исследовании задач.

Возможна ли такая патриотическая «мобилизация» массового сознания в современном российском обществе? В сформированных мировоззренческих и типологических группах студенчества, прежде всего, определялось место государственно-патриотической идеи в структуре «идей национального согласия» (см. табл. 4).

Эмпирические данные фиксируют, что студенческие группы «религиозных» и «оседлых» Белгородской области и Республики Тыва ценность «патриотизм» поставили на первое и второе место в системе предложенных консолидирующих идей (61%-68%). Представители группы нерелигиозных студентов этих регионов значительно отличаются в оценке патриотизма как фактора консолидации общества (20%-40%). Несмотря на то, что москвичи в целом значительно ниже оценивают важность идеи патриотизма как ценности «национального единения», тем не менее, если среди верующих и «оседлых», поддерживающих эту идею, — 33%-47%, то среди нерелигиозных студентов и желающих переехать из России в другие страны, — в полтора раза меньше. Главные номинированные ценности у прожективных «эмигрантов» и нерелигиозных студентов — «свобода и права человека» (68%-86%), а также «социальная справедливость» (56%-86%).

Для более достоверной оценки студенчеством патриотической идеи была частично использована ценностная шкала Ш. Шварца, характеризующая личные и коллективные ценности. В инструментарии предлагалось двадцать ценностных позиций.

Так, «патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) как очень важная ценность в жизнедеятельности общества» получил самые низкие баллы в группах «эмигрантов» Москвы (13%) и Белгородской области (22%)⁴.

⁴ В инструментарии социологического исследования 2022 года в Республике Тыва не была использована ценностная шкала Ш. Шварца.

Следовательно, полученные результаты социологических исследований 2020-2022 годов не выявили в субъектах России (Москва, Республика Тыва, Белгородская область) наличие устойчивых представлений студенческой молодёжи о ценности патриотизма как «объединяющей идеи» российского общества.

Таблица 4

Основное содержание общенациональной идеи в представлениях мировоззренческих и типологических групп («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах), 2022 г.

Ценности	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тува				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
1. Патриотизм	47	24	33	22	61	40	68	37	65	29	66	20
2. Национальная гордость	51	23	44	28	42	24	36	37	45	21	48	16
3. Свобода и права человека	67	74	72	86	78	79	70	83	64	68	69	74
4. Социальная справедливость	65	71	74	86	48	56	46	67	50	56	55	62
5. Демократия	28	50	34	67	30	48	23	57	34	40	34	46
6. Общественный порядок	59	62	65	67	46	51	45	60	48	48	51	49
7. Безопасность	63	57	58	69	63	65	54	77	60	60	58	63
8. Духовность	37	9	19	25	39	18	35	50	35	10	29	14
9. Религия, религиозные традиции	22	2	12	8	31	13	29	30	23	2	18	6
10. Интернационализм	20	29	21	36	11	18	9	20	7	11	8	13
11. Социализм	28	26	31	19	13	18	11	20	15	12	15	12
12. Самодержавие	6	2	4	3	10	11	8	10	7	4	7	3
13. Общественное самоуправление	26	32	24	42	15	19	14	20	9	12	10	15
14. Затрудняюсь ответить	12	7	4	0	11	14	-	-	12	17	8	16

Заключение. Одним из факторов демографического кризиса в России является неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток молодого поколения российских граждан. Эмиграция наиболее активной части коренного населения преимущественно образованного и высокопрофессионального является острейшей проблемой, так как неизбежно ведёт к рискам национальной и геополитической безопасности государства.

Результаты проведённого сравнительного анализа типологий, построенных на показателях религиозности/атеизма и наличия/отсутствия установок на эмиграцию, показали следующее:

- уровни религиозности и атеистичности в изучаемых регионах значительно разнятся. Самый высокий уровень религиозности и самый низкий атеистичности — среди студенчества Республики Тыва. Вторую позицию занимают по этим показателям студенты Белгородской области. Студенчество Москвы наиболее секуляризировано;

- религиозность имеет важное значение в оценке многих показателей типологической группы «эмигрантов»: большинство религиозных студентов находятся в типологической группе «оседлые», а нерелигиозные студенты («неверующие» и «атеисты») — в группе прожективных «эмигрантов»;
- социально-политические позиции и ценностные оценки групп «религиозных» и «оседлых» студентов во многом совпадают. Они выделяются большими долями положительных оценок в отношении политики государства, религиозных организаций, а также большей патриотичностью и оптимистическими настроениями по возрождению и восстановлению потерянных в прошлом позиций России в мире. В рейтинге ценностей, составляющих основное содержание общенациональной идеи, номинация «патриотизм» в консолидации российского общества выставлен на первые и вторые места в этих группах студентов Тувы, Белгородской области и Москвы;
- религиозные, социально-экономические, политические и ценностные позиции групп «нерелигиозных» и «эмигрантов» также достаточно близки. По сравнению с группами «религиозных» и «оседлых» студентов, их в большей степени беспокоят социально-экономические и политические проблемы общества, в значительно меньшей степени они гордятся принадлежностью к гражданам России, более критично оценивают возможность процесса объединения народов вокруг России. В рейтинге очень важных ценностей в жизнедеятельности общества представители этих типологических групп отмечают, прежде всего, свободу и права человека (независимость в поступках и действиях), социальную справедливость и активную, деятельную жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей). Идеологические и патриотические ценности, с точки зрения этих групп молодёжи, не играют существенной роли в жизни общества. Тем не менее следует отметить, что нет, естественно, полного совпадения уровня критичности суждений студентов в данных группах. «Эмигранты» более негативны в отношении всего спектра социальных проблем российского общества, даже по сравнению с группой нерелигиозной молодёжи. Это даёт основание говорить лишь о косвенном воздействии религиозности/атеистичности на позиции «оседлых» и «эмигрантов». Мотивация эмиграции студенчества в настоящее время, как в былые времена, определяется возможностью получения образования и выгодного трудоустройства, карьеры за рубежом, а также политическими обстоятельствами, неуверенностью в своём будущем творческом развитии в условиях СВО;
- при сравнительном региональном анализе изучаемых субъектов РФ фиксируется, что студенчество столичного мегаполиса на порядок выше «заряжено» эмигрантскими настроениями по сравнению со студентами Белгородской области, а тем более, — студентами Республики Тыва.

Следует особенно отметить типологическую группу «эмигрантов» среди студенческой молодёжи Тувы, в которой значительная доля религиозных студентов. Уровень религиозности достаточно высокий не только в группе «оседлой» молодёжи, но и среди прожективных «эмигрантов». Вполне вероятно, что именно поэтому «эмигранты» республики более патриотичны и позитивны к социальной политике государства по сравнению с другими эмигрантскими группами студенчества изучаемых регионов.

Вне всякого сомнения, на решение определённой части студенчества эмигрировать из России на постоянное место жительства за рубеж, как установлено, играют различные факторы. Однако, результаты наших исследований показывают, что ре-

лигиозные представления молодёжи и напрямую связанные с религией традиции и духовно-нравственные ценности также играют значительную роль в патриотической, гражданской позиции в отношении российского общества и государства.

Библиографический список

1. Рязанцев С. В., Лукьянец А. С. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук. 2016. № 1. С. 59–72. EDN [VZSZNH](#).
2. Рязанцев С. В. Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93. EDN [SQKZZP](#).
3. Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44–53. EDN [WJDAIR](#).
4. Воробьева О. Д., Алешковский И. А., Гребенюк А. А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. // Век глобализации. 2017. № 4. С. 100–111. EDN [ZVKNOB](#).
5. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Эмиграционные процессы из России: направления, масштабы, этническая структура // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 40–50. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00003](#). EDN [ZKYJQK](#).
6. Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](#). EDN [VZEJYL](#).
7. Лукьянец А. С., Тышкевич А. И. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](#). EDN [NZGFVX](#).
8. Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](#). EDN [ZEJOMP](#).
9. Храмова М. Н., Рязанцев С. В. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](#). EDN [YRQACD](#).
10. Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е. [и др.]. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](#). EDN [YPHVPN](#).
11. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку // Народонаселение. 2014. № 2. С. 58–64. EDN [SJFYRB](#).
12. Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98. EDN [LNFOQW](#).
13. Иванова Н. И. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность : Сб. ст. / Отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 141–142.
14. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
15. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107. EDN [JZFQOZ](#).
16. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
17. Кузнецова А. В. Патриотическая идея в российском обществе: генезис, состояние, тенденции. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004. 158 с. ISBN 5-7556-0282-4. EDN [QOCWEL](#).
18. Кузнецова А. В., Кублицкая Е. А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 328 с. ISBN 5-7556-0321-9. EDN [QOEUPP](#).
19. Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодёжи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87–96. EDN [IAIKQH](#).
20. Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](#).

21. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания / В. Д. Байрамов, И. В. Бочарников, А. И. Дурагина [и др.]. М. : Альфа-М, 2013. 144 с. EDN [VTMHNH](#).
22. Патриотизм как фактор развития российской государственности / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. М. : Московский дом национальностей, 2015. 368 с. ISBN 978-5-9247-0113-4.
23. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма / М. Ю. Смирнов, Ю. Ю. Синелина, А. И. Кырлежев [и др.]. М. : Новоспасский монастырь, 2015. 456 с. EDN [WMPZRD](#).
24. Синелина Ю. Ю. Религия в современном мире // Эксперт. 2013. № 1(833). URL: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 21.08.2023).
25. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М. : Мысль, 1985. 270 с.
26. Яблоков И. Н. Социология религии. М. : Мысль, 1979. 182 с.
27. Энциклопедический словарь социологии религии / О. И. Антонова, Е. И. Аринин, А. С. Астахова [и др.]. СПб. : Платоновское общество, 2017. 508 с. ISBN 978-5-9909527-7-5. EDN [ZXBLHN](#).
28. Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). EDN [BWYSYK](#).
29. Чернышев К. А., Митягина Е. В., Чернышева Н. В. [и др.]. Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 70–83. DOI [10.25178/nit.2023.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5). EDN [UOJTLA](#).
30. Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). EDN [PBFDES](#).

Поступила: 05.08.2023. Доработана: 04.09.2023. Принята: 08.09.2023.

Сведения об авторе:

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. eakubl@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [73707](https://elibrary.ru/73707); ORCID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213)

E. A. Kublitskaya¹

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Moscow, Russia

MIGRATION AND SOCIO-POLITICAL ORIENTATIONS OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS STUDENT YOUTH

Abstract. Migration processes in the context of the expansion of world economic relations inevitably affect the main spheres of life of the entire world community. The emigration of the most active part of the indigenous population of Russia, predominantly educated and highly professional, is an acute problem, as it inevitably leads to risks to the national and geopolitical security of the state.

The growing uncontrolled migration process aimed at the outflow of the mobile indigenous population in the new Russian social reality actualizes the study of the motives of emigrant moods, socio-economic, socio-political orientations, socio-cultural positions, ethno-confessional traditions and customs, spiritual and moral values of youth and, first of all, highly educated part of the younger generation: students.

The article analyzes the materials of a sociological study conducted by the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2022 among students in three constituent entities of the Russian Federation: Moscow, the Republic of Tyva and the Belgorod Region. The focus of the study is aimed at identifying the possible impact of religious and non-religious worldviews on the emigrant orientations of the young part of the Russian population. The set goal was solved with the help of sociological methods of building worldview groups (“religious”/“non-religious”) and typological groups (“settled”/projective “emigrants”). The sociological search was based on a comparative analysis of the assessments and positions of representatives of these groups in relation to religious, national, socio-economic and socio-political problems. The results of a sociological study show that religious ideas and traditions, spiritual and moral values directly related to them play a significant role in the patriotic and civic positions of student youth in relation to Russian society and the state.

Keywords: migration processes; labor and educational emigration; socio-political processes; students; emigrants; religious and non-religious youth; values

For citation: Kublitskaya E. A. Migration and socio-political orientations of religious and non-religious student youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):164–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10>

References

- Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S. Emigration of Youth from Russia: Forms, Trends and Consequences. *Vestnik TSUPBP. Series of Social Sciences*. 2016;(1):59–72. (In Russ.).
- Ryazantsev S. V. New forms of temporary emigration from Russia. *Science. Innovations. Technologies*. 2014;(2):81–93. (In Russ.).
- Savoskul M. S. Emigration from Russia to non-CIS countries during the late 20th – the early 21st century. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*. 2016;(2):44–53. (In Russ.).
- Vorobyeva O. D., Aleshkovski I. A., Grebenyuk A. A. Transformation of Russian emigration at the turn of the XX-XXI centuries. *Vek globalizacii=Age of globalization*. 2017;(4):100–111. (In Russ.).
- Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Emigration processes from Russia: directions, scale, ethnic structure. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(1):40–50. (In Russ.). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00003](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00003).
- Iontsev V. A., Ryazantsev S. V., Iontseva S. V. Emigration from Russia: new trends and forms. *Ekonomika regiona*. 2016;12(2):499–509. (In Russ.). DOI [10.17059/2016-2-15](https://doi.org/10.17059/2016-2-15).
- Lukyanets A. S., Tyshkevich A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the context of the expansion of Russian-speaking communities. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(1):83–96. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7).
- Ryazantsev S. V. “Russian-Russian” economy as the mechanism of the integration of Russian-speaking migrants in the receiving countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017;25(1):122–136. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7).
- Khramova M. N., Ryazantsev S. V. Factors of emigration from Russia: Regional Features. *Economy of regions*. 2018;14(4):1298–1311. (In Russ.). DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19).
- Baykov A. A., Lukyanets A. S., Pismennaya E. E. [et al.]. Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2018;(11):75–84. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8).
- Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Old and new trends of emigration from Russia to Latin America. *Narodonaselenie=Population*. 2014;(2):58–64. (In Russ.).
- Andreeva L. A., Andreeva L. K. Religiosity of student youth. The experience of comparison with the religiosity of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2010;(9):95–98. (In Russ.).
- Ivanova N. I. Research of social identity in students of pedagogical universities. In: Lebedeva N. M., ed. Identity and tolerance : Coll. of art. Moscow: IEA RAN; 2002. P. 141–142. (In Russ.).
- Kublitskaya E. A. Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 1990;(5):95–103. (In Russ.).
- Kublitskaya E. A. Specifics of religiosity studies in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2009;(4):96–107. (In Russ.).
- Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. Self-regulation of youth life:

- methodology and social practices. Belgorod: Epicenter; 2021. 500 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.
17. Kuznetsova A. V. Patriotic idea in Russian society: genesis, state, trends. Moscow: RITs ISPI RAN; 2004. 158 p. (In Russ.). ISBN 5-7556-0282-4.
 18. Kuznetsova A. V., Kublitskaya E. A. Civic patriotism – the basis for the formation of a new Russian identity. Moscow: RITs ISPI RAN; 2005. 328 p. (In Russ.). ISBN 5-7556-0321-9.
 19. Lebedev S. D. Studying youth attitudes towards religion. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2007;(7):87–96. (In Russ.).
 20. Lopatkin R. A. Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Problems. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2010;28(4):266–272. (In Russ.).
 21. Bayramov B. D., Bocharnikov I. V., Duryagina A. I. [et al.]. Patriotism of modern Russian youth: conceptual foundations and technologies of education. Moscow: Alfa-M; 2013. 144 p. (In Russ.).
 22. Bocharnikov I. V., ed. Patriotism as a factor in the development of Russian statehood. Moscow: Moskovskii dom natsional'nosti; 2015. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9247-0113-4.
 23. Smirnov M. Yu., Sinelina Yu. Yu., Kyrlezhev A. I. [et al.]. Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism. Moscow: Novospasskii monastyr'; 2015. 456 p. (In Russ.).
 24. Sinelina Yu. Yu. Religion in the modern world. *Expert*. 2013;(1). (In Russ.). Available at: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (accessed: 21.06.2022).
 25. Ugrinovich D. M. Introduction to Religious Studies. Moscow: Mysl'; 1985. 270 p. (In Russ.).
 26. Yablokov I. N. Sociology of Religion. Moscow: Mysl'; 1979. 182 p. (In Russ.).
 27. Antonova O. I., Arinin E. I., Astakhova A. S. [et al.]. Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion. St. Petersburg: Platonovskoe obshchestvo; 2017. 508 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9909527-7-5.
 28. Kublitskaya E. A., Lutenko I. V. Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects. *CITISE*. 2019;(5):478–493. (In Russ.). DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44).
 29. Chernyshev K. A., Mitiagina E. V., Chernysheva N. V. [et al.]. Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth. *Novye issledovaniia Tuvy=The New Research of Tuva*. 2023;(2):70–83. (In Russ.). DOI [10.25178/nit.2023.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5).
 30. Kublitskaya E. A. The main values of the consolidation of Russian society in the views of religious and non-religious students. *Research Result. Sociology and management*. 2023;9(2):21–42. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3).

Received: 05.08.2023. Corrected: 04.09.2023. Accepted: 08.09.2023.

Information about the author:

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. eakubl@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213)